

мире, для европейцев выглядят неубедительно и «нелогично». На это несоответствие двух схем образования смысла обращали внимание арабские мыслители, например мутакаллимы, при обнаружении несовместимости дихотомической оппозиции добро/зло и классической пятичленной классификации человеческих поступков, принятой мусульманской правовой традицией. Это «обязательные», «рекомендуемые» (такие, которые предписано совершать, причем за это обещана награда, но несовершенство их не влечет наказания), «безразличные», «нерекомендуемые» (такие, от которых людям предписано воздерживаться, причем за воздержание им обещана награда, однако совершение этих поступков не влечет наказания) и «запретные» поступки. Попытка понять этот ряд как выражение градации от «добра» к «злу», что было бы совершенно обосновано с точки зрения построения родовидовой схемы, не соответствует сути данной классификации. Логика сопряжения основывается на связывании или сопоставлении смыслов двух понятий таким образом, что сама операция связывания должна будет выражать последовательную сменяемость первого смысла, который должен быть заранее известен и второго, который опирается на первый. Причем, неизвестность второго — обязательное условие, иначе фраза теряет свой смысл. Такое «приравнивание» (еще раз оговариваю, приравнивание без возможности выстроить «общее») известного и неизвестного и есть основа для минимальной осмысленности суждения. Данная грамматическая структура задает и динамику смысловых отношений в художествен-

ных текстах арабской культуры, остающуюся невидимой для европейского глаза. В философских текстах, относящихся к средневековой арабской мысли, отношения между понятиями существование/несуществование, явное/скрытое и т.д. также разрабатываются на основе логики сопряжения, а не противопоставления этих понятий. Так, существование не оказывается нередуцируемым основанием вещи, но лишь качеством, приводящим к ней.

Одно из представленных здесь различий в процедурах смыслополагания в арабской и западно-европейской культурах может стать поводом для постановки еще одного вопроса. Довольно распространенным является тезис о том, что для западного мышления вполне естественна и эвристически продуктивна организация работы мысли на основе визуально-пространственных образов. Обращаясь к процедуре формирования смысла в арабской культуре, мы невольно пытаемся придать ей форму мышления, привычную для нас. Но эта форма не ухватывает сути мыслительных образов, так как в визуальном статичном поле сложно изобразить временную «сменяемость», последовательность сопряженных понятий. Возможно, как указывают также некоторые исследователи арабской культуры², поэтому в ней более распространены не визуальные, а голосовые метафоры.

¹ Смирнов А.В. Логика смысла: теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М. Языки славянской культуры, 2001

² Эта тема разрабатывается в работах раввинского ученого Дж.Фора, Мартина Бубера, И. Эльдада и др.

СЕМИОТИКА КАК ИДЕЙНЫЙ ИСТОК ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

О.В. Петрик

Включаясь в некоторую систему коммуникаций и получая с ее помощью информацию, мы с неизбежностью вторгаемся в сферу познания семиотики. Семиотика, как наука о коммуникативных системах и знаках, которыми в процессе общения пользуются люди, делает акцент на коммуникации — ее основном предмете, заключенном в проблеме понимания информации и способах ее передачи.

Говоря о семиотике как идейном истоке отечественной исторической антропологии, мы, в первую очередь, имеем в виду московско-тартускую школу, на достижениях которой во многом базируется современная российская семиотика.

Фундаментальным понятием семиотики является понятие текста. Именно это понятие делает возможным переход от литературы к культуре как универсальному объекту семиотики. Даже феномены внеязыковой среды, такие как: кино, гадания, дорожная сигнализация и т. д., могут быть представлены как текст и изучены с позиций структурализма. Поэтому и «культура в целом может рассматриваться как текст». «Однако важно подчеркнуть, что это сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию «текстов в текстах» и образующий «сложные переплетения текстов» [1]. Воспринимая культуру как совокупность текстов,

Ольга Викторовна Петрик,
аспирантка Института философии и права
УрО РАН

образованных различными языками, существующими в этой культуре, текст становится предельным и единственным предметом изучения в рамках данной школы.

Разработка концепции текста основывается на определении любого литературного произведения

как моделирующего и семиотического, осуществляющего когнитивную и коммуникативную функции. Означивание порождает возможность не только общения и познания в процессе этого общения, но возможность изменения реальности путем моделирования текста и, поэтому, реальности. «Напрасно думать, что мы окружены от природы не-семиотическим миром и в нем покоится озеро семиотики. Мы действительно окружены несемиотическим миром, но не видим его. Мы видим тот мир, который создаем, — семиотический мир не-семиотического мира» [2]. Видя тот мир, который мы описываем известными нам способами и присваивая ему придуманные нами имена, мы, тем самым, посредством изменения угла зрения меняем, моделируем мир, в котором живем — изменяясь в нашем сознании, он не меняется на самом деле.

Означивание является характерной чертой человеческой деятельности, которая составляет суть процесса понимания, она является способом осознанного существования и взаимодействия с миром. Знаковая обусловленность явлений нашей жизни определяет для нас и тот тип взаимосвязи, по которому мы выстраиваем отношения с миром и по которому строится наше собственное сознание.

Сближая сущность определения знака с диалогичностью М. Бахтина и интертекстуальностью Ю. Кристевой, трактуя его, как «пучок взаимозависимых элементов разных систем», Лотман представляет себе текст-знак как пространство переклечения с одной структурной цепочки на другую (перекодировки), местом, где выявляется семантический опыт. Процесс множественной перекодировки определяется внетекстовыми структурами — литературной традицией, эстетическими кодами или другими субкодами культурной системы. [3]. Необходимость изучения исторического процесса культурных перекодировок привела к введению Лотманом такого понятия, как реконструкция.

Данный термин мы можем встретить в понятийном аппарате школы «Анналов», исторической психологии, а, следовательно, и в исторической антропологии. Однако Лотман говорит о необходимости предшествования семиотической реконструкции, вопреки предшествованию исторической. Это обуславливается характером историко-антропологического исследования, которое опирается, в первую очередь, на документальные свидетельства, на факты, облеченные в текстовую форму. Специфика исторического исследования заключается в работе с фактами, прошедшими авторскую обработку. Такие документы своеобразно преломляют запечатлеваемую действительность. В этом смысле, текст есть не только отражение действительности, как она есть, он есть так же и отражение авторского начала, привносящего своевольное, субъективное видение происходящего, которое оценивается исходя из критериев, складывающихся из совокупности взглядов эпохи, и из индивидуальных воззрений автора исторического послания. Реконструкция в данном случае является, по сути, дешифровкой. В таком контексте исследователь исходит из того, что документ написан на другом языке. Процесс построения грамматики этого языка позволяет создавать правила реконструкции исторической действительности. Поэтому актуальность разработок московско-тартуской школы в

рамках историко-антропологической тематики представляется наиболее значимой.

Соотнесение понятий исторической и семиотической реконструкций позволяет исследователю воссоздать точность картины мира той эпохи, которую он изучает. Необходимость реконструкции, и в том, и в другом случаях, обоснована непосредственной отдаленностью исторического источника, с которым имеет дело исследователь, механизмами культурной трансляции от субъективного творческого начала, породившего его. В свою очередь, это авторское начало в такой мере обусловлено социокультурными системами, что при восстановлении характеристик личности автора, выявляются также и характеристики этих объективированных структур. Различие же указанных типов реконструкции заключается том, что семиотическая реконструкция делает акцент на коммуникативном, семиотицирующем аспекте человеческого существования. Историческая же реконструкция направлена не только на эти аспекты — она несколько шире. Объем исторической реконструкции задается и поведенческими реакциями, и физиологическими привычками, и духовным багажом людей прошлого. Таким образом, семиотическая реконструкция является более узкой, и более «настроенной», если можно так выразиться. Все-таки языковая сфера хоть и выступает для человека, как социального существа, основополагающей, тем не менее, она вторична по сравнению с его физической жизнью. Семиотическая реконструкция ориентирована на работу с культурными кодами как системой определенных правил каждой отдельной культуры. Как пишет Б.М. Гаспаров, «чтобы реконструировать это идеальное, абстрактное единство, лежащее по ту сторону физического бытия предмета, необходимо отвлечься от сиюминутных, конкретных и преходящих факторов, присутствующих в любом реальном акте общения, таких как: воздействие окружающей среды, динамика ситуации, характер участников общения, их жизненный опыт, цели, настроение, динамика их взаимодействия друг с другом и с окружением. ... Предполагается, что структура кода определяет некоторые фундаментальные параметры в восприятии текста, «моделирует» текст определенным образом, — до и вне конкретных обстоятельств, в которых этот текст выступает в обществе» [4].

Приведенная точка зрения указывает на превалирование структурного видения изучаемого явления в ущерб живой конкретике фактов, служащей в данном случае материалом для выявления системных отношений в изучаемом явлении, связанных в единое, изнутри строго упорядоченное образование. Но по теме реконструкции высказывались и другие точки зрения. Одна из них принадлежит Б.А. Успенскому, также представителю московско-тартуской школы. Суть ее заключается в том, что «культурно-семиотический подход к истории предполагает апелляцию к внутренней точке зрения самих участников исторического процесса: значимым представляется то, что является значимым с ИХ точки зрения». Поэтому необходимость реконструирования субъективных мотивов исторических действующих лиц предполагает воссоздание системы представлений, обуславливающих их восприятие событий и их реакцию на эти события. Таким образом, история представляется семиотикам как процесс коммуникации. В ходе ее

изучения они прибегают к семиозису (превращение незнакомой истории в знакомую) [5].

Данная точка зрения свидетельствует о более широком и неоднозначном подходе к проблеме соотношения субъективного и объективного в историческом исследовании. В первом случае, мы видим приверженность структурному методу, во втором — желание вырваться за его пределы. И, тем не менее, второй взгляд на проблему реконструкции также отражает для нас стремление к внутренне согласованной системе представлений, исходя из которой становится понятным поведение исторических акторов.

Объясняющие функции, возложенные на структурно образованное единство взглядов, представлений и мотивов, в результате присвоения некоторым фактам истории знакового характера, а отсюда и смысловой содержательности, определенной в общем контексте событий, оказываются прямым доказательством приверженности структуралистской методологии. Таким образом, двойственная ориентированность на работу с историческим материалом, заключающаяся, с одной стороны, в стремлении избавиться от так называемого субъективного фактора, а, с другой стороны, в опоре на него, как на объясняющий момент универсального характера, — вовсе не противоречит тому интересу к конкретике истории, который приходит в столкновение со структурным методом, отсекающим все лишнее. Сам Лотман пишет об этой особенности так: «Лично я не могу провести резкую черту, где для меня кончается историческое описание и начинается семиотика. Здесь нет противопоставления, нет разрыва. Для меня эти сферы органически связаны. Это важно иметь ввиду, поскольку само семиотическое направление начиналось с отрицания исторического изучения. Отойти от исторического исследования необходимо было для того, чтобы вернуться к нему. Надо разрушить связи с традицией для того, чтобы вернуться к ней» [6].

Таким образом, расчленение исторического целого на составляющие и работа с частями есть необходимое условие изучения и воссоздания этого самого исторического прошлого.

«Геометрические изоморфные фигуры различны по размерам, по форме и вместе с тем в определенном смысле — одно и то же. История отраженная в одном человеке, в его жизни, быте, жесте, изоморфна истории человечества. Они отражаются друг в друге и познаются друг через друга» [7]. Таким образом, структурный метод находит здесь свое наибольшее выражение, посредством выявления частных свойств и отношений между отдельными явлениями, структурирующих и находящих свое выражение в явлениях более универсального характера. Но, умозаключение Лотмана об изоморфности историй отдельного человека и человечества, для исторической антропологии имеет первостепенное значение.

Взаимовлияние человека и эпохи — тема, внимание к которой определяет современный гуманитарный и прогрессивный характер семиотических исследований. Изучение культуры в широком семиотическом смысле, понятой в качестве системы отношений, устанавливаемых между человеком и миром, «с одной стороны, регламентирует поведение человека, с другой — определяет то, как он моделирует мир. Частный случай отношений между человеком и миром — система отношений между человеком и коллективом. В этом смысле

отношения между человеком и коллективом предстают как коммуникационный диалог: социум реагирует на поведение человека, определенным образом его регламентирует, человек реагирует на социум (и вообще на окружающую его действительность)». Таким образом, исторический процесс в семиотической перспективе предстает как диалог между исторической личностью и социумом, равные участники которого оказывают взаимное влияние друг на друга. В этом смысле становится очевидным непреходящее значение существования каждой отдельной человеческой единицы для истории в целом. Историческая антропология делает данное положение приоритетным для себя. Лозунгом этой школы у нас в стране становится направление научных изысканий под общим заголовком — «Человек в истории».

Продолжая тему, отметим, что для Лотмана само понятие дешифровки далеко не исчерпывается реконструкцией, так называемого, «чужого языка». В его понимании, она является скорее «переводом» с одного языка на другой как инструмент семиотического исследования. Таким образом, мы видим, что семиотическая реконструкция направлена более к отвлеченному конструированию или, вернее сказать, деконструированию исторического материала, в то время как историческая реконструкция, напротив, находит особую значимость того, от чего старается освободиться семиотик в процессе своей работы — от конкретики исторической жизни. Тем не менее, сама суть метода реконструкции сыграла решающую роль в формировании методологического базиса исторической антропологии, так сказать, послужила опорой для интеллектуальных изысканий в области способов воссоздания картины мира изучаемых эпох.

В результате семиотической реконструкции текста выявляется корпус ценностных ориентаций, предпочтений и взглядов, образующих самосознание не только эпохи, но и отдельного индивида — автора документа. Особенности формы и содержания текста, выявленные в ходе данной процедуры, чутко улавливаются исследователем, имеющим иные темпоральные установки, иной «культурный код». Время налагает свой отпечаток на восприятие исследователя. То, что для предшествующих поколений не имело особой значимости, для современного исследователя может представлять уникальную ценность. Помимо общепринятого означивания явлений, существует и такой парадокс, как субъективное понимание и субъективное означивание. Еще М Блок в своей книге «Апология истории» писал, что «все, что человек говорит или пишет, все, что он производит, все, к чему он прикасается, может и должно давать о нем сведения». В процессе написания текста, пишущий склонен особо выделять факты, имеющие, с его точки зрения, значимость: индивидуальную, социальную, культурную и т. д. В то же самое время, замалчиваются, недостаточно освещаются, просто не упоминаются или безоценочно сообщаются факты, которые не обладают значимостью для создателя документа и, следовательно, подлежат забвению. Подобная оппозиция важных и неважных фактов является тем ключевым моментом, по которому становится возможным выявление основных категорий бинарной структуры мировоззрения, раскрывающего те особенности менталитета исторической эпохи, которые и со-

ставляют портрет эпохи, картину мира определенного временного промежутка. Подобный метод исследования мы встречаем и в книге А. Гуревича «Категории средневековой культуры». Определяемые различия в ходе исследования воссоздают неповторимый колорит эпохи, характеризующие не только устремления каждого ее субъекта, но также и объясняет некоторые моменты современного исторического процесса. Изучать прошлое, чтобы лучше понять настоящее, — перестает быть простым выражением, не несущим глубокой смысловой нагрузки. Напротив, именно такой подход становится основополагающим в разрезе историко-антропологических изысканий.

Говоря о семиотическом изучении истории, мы, в первую очередь, говорим об особом подходе к тексту источника, который вовсе не ставит своей задачей восстановление прошлого «wie es eigentlich gewesen» («как оно было на самом деле» — известная формула Л. Ранке). Сложность и данного подхода, и положения историка заключается в том, что сам по себе первичный факт любого исторического события недоступен для созерцания и изучения, как такового. Историк работает с текстами, зашифрованными описаниями реальных событий. Поэтому, по словам Ю.М. Лотмана, необходима не реконструкция кода или набора кодов, которыми пользовался создатель текста, а установление их корреляции с кодами, которыми пользуется исследователь. Проблематичность данной процедуры заключается в том, что описанный факт есть «всегда результат выбора из массы окружающих событий события, имеющего ... значение» [8].

Семиотический подход «подразумевает предельное обнажение различий в структурах «мира автора источника» и «мира историка-интерпретатора», общающихся на различных языках. Именно описание этих различий и трактовка их понимания выступает для Лотмана искомым переводом с языка одной системы на язык другой. В то же самое время, такой перевод является и, своего рода, диалогом между разными частями внутри единого пространства. Это динамический процесс взаимного обновления и интерпретации. Тема диалога является основополагающей для корпуса историко-антропологических идей.

В общетеоретическом плане, семиотический подход к изучению истории во многом смыкается с герменевтическими и постмодернистскими построениями относительно парадигмы: «событие — его отражение в источнике — прочтение источника современником — изучение источника историком-интерпретатором». В практическом плане семиотика предлагает выявлять в прошлом символы и коды, переводить их в соответствии с современной знаковой системой и таким путем расшифровывать смысл источника.

Затрагивая тему сознательного выбора историка в его работе с историческим материалом, Лотман говорит о необходимости создания такой дисциплины, как историческая семиотика. Ее суть определяется следующим образом: «История — это процесс, протекающий «с вмешательством мыслящего существа». Это означает, что в точках бифуркации вступает в действие не только механизм случайности, но и механизм сознательного выбора, который становится важнейшим объективным элементом исторического процесса. Понимание этого в новом свете представляет необходимость

исторической семиотики — анализа того, как представляет себе мир та человеческая единица, которой предстоит сделать выбор. В определенном смысле это близко к тому, что «новая история» именует «менталитетом». Однако результаты исследований в этой области и сопоставление того, что достигнуто В.Н. Топоровым, Б.А. Успенским, Вяч.Вс. Ивановым, А.А. Зализняком, А.М. Пятигорским и многими другими в реконструкции различных этнокультурных типов сознания, убеждает в том, что именно историческая семиотика культуры является наиболее перспективным путем в данном направлении» [9].

Подводя итог нашему небольшому исследованию, отметим тот факт, что многие положения, разработанные московско-тартуской школой, нашли свое благодарное продолжение в исследованиях такого научного сообщества, как отечественная историческая антропология. Взяв на вооружение перспективные в научном плане идеи московско-тартуской школы диалогического исследования прошлого, акцентирования внимания на характерных различиях культурных кодов автора исторического текста и исследователя, реконструирования исторического прошлого, взаимовлияния эпохи и человека и многие другие, историческая антропология ассимилировала их с тождественными им по духу и звучанию идеями других своих истоков, таких как: французская школа «Анналов», историческая герменевтика, творчество М.М. Бахтина и историческая психология. Результатом удачного синтеза данного конгломерата идей стало революционное по своей сути историографическое направление, сделавшее основным предметом своего изучения человека как творца истории и как носителя бесконечных изменений своего существования. И семиотика в данном случае, ее подход, идеи и методы, выступает в качестве полноправного участника глобального исследования человека и человеческого.

¹ Ким Су Кван Основные аспекты творческой эволюции Ю.М. Лотмана: «иконичность», «пространственность», «мифологичность», «личность». — М.: Новое литературное обозрение, 2003. — с. 97.

² Лотман Ю.М. Чем длиннее пройден путь, тем меньше вероятностей для выбора (Вступительное слово на международной студенческой конференции русских филологов, Тарту, 1990 г.) // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. с. 458.

³ Филюшкин А.И. Методологические инновации в современной российской науке // АСТНО NOVA 2000 (сборник научных статей). М., 2000.

⁴ Б.М. Гаспаров Тартуская школа 1960-х годов как семиотический феномен годов // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. — М.: «Гнозис», 1994. с.287-288

⁵ Успенский Б.А. История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема) // Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1996. Т. 1. с.11, 15.

⁶ Лотман Ю.М. Зимние заметки о летних школах // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. — М.: «Гнозис», 1994. с. 296.

⁷ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. с. 389.

⁸ Лотман Ю.М. Проблема исторического факта // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1999. С. 302, 304.

⁹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — Текст — Семиосфера — История. М., 1996. с. 324.